

ЭКСПЕРТИЗА СРЕДСТВ И МЕТОДОВ ОБУЧЕНИЯ В РОССИИ ПОКА ОТДЫХАЕТ

Алексей Кушнир

До недавнего прошлого единственным специализированным институтом экспертизы в образовании был Федеральный экспертный совет (ФЭС), имевший общественно-государственный статус, но полностью подконтрольный Минобрнауки. ФЭС принимал решения методом голосования уважаемых людей. Но что такое голосование в науке? Научность такой процедуры, несмотря на наличие учёных степеней у участников, вызывала у зрителей и статистов явное сомнение. Теперь в основание модернизации экспертной деятельности, призванной обеспечить научность, гласность и независимость экспертизы, положена идея преодоления монополии аппарата Минобрнауки (реализуемой ранее через ФЭС) путём участия в процедуре РАН и РАО. Монополию, может быть, и преодолеем. Но станет ли экспертиза от этого более качественной?

На наш взгляд, если России нужна научная экспертиза учебников, то её научность должна вытекать не из авторитета больших и малых академий, а быть очевидной, лежать на поверхности, бросаться в глаза в силу адекватности процедуры. Процедура экспертизы должна обладать свойствами априорной объективности, вызывать к себе доверие уже только тем, что технология экспертной работы исключает какие-либо иные основания или аргументы для принятия решений, кроме научных.

Если России нужна независимая экспертиза, то эта независимость тоже должна быть очевидной и не вызывать малейших сомнений.

Научная и независимая экспертиза, в основании которой лежат научные методы изучения объекта, не нуждается в секретности, она может быть открытой и гласной.

Если у нас будет научная, независимая, открытая и гласная экспертиза, то вопрос участия РАН и РАО не принципиален. Могут участвовать, а могут и не участвовать, поскольку это вопрос технологии, а не числа или авторитета участников.

Раньше ФЭС, оперируя процедурами, в которых экспертиза «что дышло», выполнял прямые указания руководства. Теперь ФЭС, РАН и РАО будут выполнять указания более высокого руководства. Вмешательство в экспертную деятельность станет более редким, но не исчезнет до тех пор, пока к этому будет располагать технология экспертизы. Таким образом, нефиктивная реформа экспертной деятельности в образовании связана, прежде всего, с изменением её технологии. Мы же по-прежнему не можем сдвинуться дальше структурных перестановок.

1

На решение проблемы «гласной и независимой» экспертизы учебников в ФЭС по линии займа МБРР через НФПК было выделено более 200 тысяч долларов. На первом этапе консультационные работы проводило ОАО «Корпорация «Фёдоров», г. Самара, сумма контракта 100 000 долларов США. На втором этапе консультационные услуги оказывал Московский городской педагогический университет, сумма контракта 119 346,65 доллара США».

Именно технология деятельности ФЭС, с её голосованием, зависимостью, закрытостью и прочими атрибутами «карманной» службы, послужила причиной приостановки её деятельности. В инструментальном арсенале ФЭС никогда не было прозрачной и общепризнанной в научном мире процедуры с чёткими критериями и шкалами. Отзывы и заключения экспертов с последующим голосованием членов Совета — это не экспертиза, а обмен мнениями. В мировой практике стандартизированные и технологизированные процедуры экспертизы давно используются, но они не в нашей традиции. Наша национальная традиция — обеспечить успех «своим» и отсеять «чужих». Хочется надеяться, что «национальные особенности» экспертизы учебников будут преодолены, и новое издание федеральной экспертной службы не окажется технической заменой уровня управления на более высокий.

«Национальные особенности...» — это то, что поддаётся изменению в последнюю очередь. Нет ничего удивительного, что предыдущие попытки оптимизировать экспертизу систем и средств обучения ни к чему не привели, а средства займа Международного банка реконструкции и развития «распилены» впустую: ФЭС в его прежнем виде приказал «долго жить». По всей вероятности, никто и не рассчитывал на прорывное решение проблемы: в тендерах на создание концептуальной модели экспертной службы одна за другой побеждали организации, не имевшие ни опыта, ни отработанных технологий, ни теоретического задела в области создания и эксплуатации экспертных систем¹. Да и теперь вопрос отдан на откуп не специалистам в экспертной деятельности, а издателям — производителям учебников, заинтересованным лицам.

Есть и другой аспект! Мировая практика однозначно свидетельствует: пока экспертная служба будет оставаться государственной, она будет корруп-

ционной. Это неистребимое свойство любой разрешительной системы монопольного типа. Развитые страны давно уже нашли адекватные организационные технологии, позволяющие в кратчайшие сроки ломать коррупционные конструкции. Наглядным примером неубиваемой разрешительной системы монопольного типа является наша славная ГИБДД. Наш Законодатель ещё лет десять будет имитировать борьбу с коррупцией на дорогах, при этом категорически не трогая технологию. Либо создаётся и законодательно закрепляется технология отъёма денег у граждан, а для этого нужны длинные и сложные процедуры оформления протоколов, очереди, право изъять документы, снять номера, отправить авто на штрафстоянку, либо создаётся и внедряется технология, однозначно исключая возможность, а главное, мотив дать взятку.

Главный инструмент преодоления коррупции в мировой практике — вывод большинства функций за пределы ответственности государства. Зачем давать взятку за прохождение техосмотра, если нет очереди? А устранение очереди — проблема чисто технологическая. Кому платить взятку за техосмотр, если его можно пройти в любом автосервисе, где тут же устранят имеющиеся недостатки за деньги, которые ушли бы на взятку? Зачем автосервису получать взятку, рискуя репутацией и лицензией на право технического осмотра, дающими поток постоянных клиентов, и выдавать свидетельство о техническом состоянии на неисправный автомобиль? Если автомобиль попадёт в аварию по причине неисправности, то мастерская понесёт убытки. Простой и понятный механизм. Мы же изо всех сил удерживаем процедуру в недрах ГИБДД с помощью аргументов, которые не могут не вызывать ироническую улыбку. Так же и наше стремление удержать процедуру экспертизы учебников в руках чиновников есть не что иное, как стремление сохранить контроль над финансовыми потоками.

Государственное учреждение типа ФЭС в силу монопольности своего положения по определению не могло быть или стать беспристрастным, и тем более работать в интересах общества и личности. Это только в теории государство представляет и защищает интересы человека. В нашей истории ФЭС последовательно и достаточно эффективно осуществлял защиту интересов совершенно определённых групп и лиц. И что дальше?

Независимых экспертных институтов у нас в образовании пока нет. В итоге, наши дети подвергаются в школе воздействию учебников и других средств обучения, находящихся вне научного поля. Это не означает, что они плохи, из сказанного следует, что они не были подвергнуты научному анализу и научной проверке. Параметры такой проверки можно обнаружить в любом практикуме по эксперименталистике для студентов педвузов или психологических факультетов. С помощью того же «Практикума...» можно заодно убедиться в том, что апробации учебников или систем обучения в сложившемся формате не имеют к науке никакого отношения так же, как и голосование или обмен мнениями уважаемых людей. В тех же учебниках можно ознакомиться и с практикой обеспечения независимости экспертизы, и с приёмами научного анализа экспериментальных данных.

Может быть, нам поможет заграница? Ведь, по-хорошему, институты РАО, также как и Федеральный институт развития образования Минобрнауки, экспертизу учебников осуществлять не должны по определению, поскольку сами являются производителями такого рода продукции. В далёком прошлом в научно-педагогическом сообществе существовало понимание несовместимости этих функций. Для институтов и специалистов АПН действовал запрет на разработку учебников, например. **Научный штаб отрасли должен был оставаться беспристрастным.** Сегодняшняя ситуация, когда РАО наделена

полномочиями проводить экспертизу и одновременно сама является производителем средств и методов обучения, недопустима как с позиций научной этики, так и с позиций рыночной экономики.

Последняя дискуссия, развернувшаяся в обществе по этому поводу, в очередной раз свелась к спорам об адекватности передачи учебниками научной картины мира с позиций физики, математики, истории, лингвистики и т.п., то есть к предметоцентризму, что само по себе является методологической ошибкой. Очень кстати подвернулся скандал с учебником истории России Игоря Долуцкого. Он возник вокруг содержания и оказался своевременной дымовой завесой, позволяющей отсрочить серьёзный разговор по поводу педагогической составляющей этих самых учебников. Новая схема, согласно которой об информационном содержании учебников будут судить учёные РАН, а педагогические подходы останутся в ведении педагогических академиков, — это лучший способ законсервировать педагогическую составляющую в известном состоянии на неопределённый срок, поскольку технология экспертизы — обмен мнениями уважаемых людей — останется прежней. Участие академиков РАН, мнение которых по поводу педагогической грамотности исключено из раскладов, ничего не даёт, ведь они и раньше участвовали в работе ФЭС.

Экспертная служба в системе образования должна быть построена по типу любой другой исследовательской деятельности. Разработчики средств и методов обучения должны бороться за гранты на их разработку, а организации, имеющие необходимые опыт и инфраструктуру, — бороться за гранты на осуществление экспертизы этих разработок.

А что делать, пока такой службы — независимой и беспристрастной, способной, если надо, осуществить экспериментальную апробацию перспективного образовательного инструмента, нет и в помине?

По меньшей мере, исповедовать профессиональную честность!

Профессиональная честность в данном контексте состоит в том, чтобы **не прятаться** за спущенные сверху программы и рекомендованные учебники, а **быть на стороне ребёнка**. И это вопрос даже не научной компетентности, а вопрос нравственности и гражданского мужества.

Встречаясь с учителями и управленцами, автор многократно воспроизводил для слушателей аргументированные сюжеты (кейсы), описывающие случаи, когда методика работы и учебные средства, зачастую имеющие гриф, противоречат самым элементарным, почерпнутым из учебников психологии и физиологии, знаниям о человеке.

Всякая педагогическая технология, имея дело с человеком, являясь инструментом воздействия на человека, должна опираться на научные достижения человековедческих наук. Работая с аудиторией, рассматриваем в качестве примера конкретные педагогические действия или информационно-содержательные материалы в контексте того, что **в норме психика проявляет себя целостно, поэтому в наиболее общем случае педагогический процесс должен быть адекватен «двухполушарности» человеческого мозга**, а не подстраиваться под правополушарные функции у одних и левополушарные — у других. То есть обучение (методика, учебник) должно опираться на наиболее общую закономерность, а не на учёт «особенностей». В диалоге выясняем: на практике наблюдается абсолютное доминирование в обучении «левополушарных» процессов, многолетняя депривация «правополушарных» функций психики и перегрузка «левополушарных». Практики, как правило, признают несоответствие школьной технологии известному психологическому факту и соглашаются с тем, что это серьёзнейшая угроза здоровью детей.

Далее, как одну из общих закономерностей психогенеза рассматриваем тот факт, что **комфортный для человека режим деятельности характеризуется доминированием произвольных процессов в сравнении с произвольными**. Это соотношение в норме составляет, примерно, 80% — произвольность и 20% — произвольность. Такое соотношение и следует закладывать в общих педагогических технологиях. Наш же учебный процесс на 90% состоит из произвольных — трудозатратных, энергоёмких, утомительных — процессов. Это прямой ущерб здоровью. И аудитория с этим также безоговорочно соглашается.

Важнейшим регулятором человеческой деятельности является **мотивация**. Если обучение выстроено на внутренней мотивации ученика, она гарантирует успех, преобладание же принуждения ведёт к разрушению деятельности. **Оптимальное соотношение мотивации «хочу сам» и «меня вынуждают» находится в пределах 80% к 20%**. Если учащийся действует, преимущественно, по принуждению, это также явная угроза здоровью. Никто не спорит с тем, что в нашей школе главный метод — смена видов принуждения, хитро замаскированная под смену видов деятельности.

Рассматриваем ещё одно из наиболее используемых в педагогике понятий — **«возрастную сензитивность психики»**. Учащийся может быть сензитивен или несензитивен к конкретным видам информации, способам её представления и способам деятельности. Трудно считать обоснованными педагогические действия, когда ребёнку предлагается делать то, к чему в данном возрасте он не сензитивен. Тем самым транжирится время, которое можно было бы посвятить тому, что буквально впитывается и идёт в рост в данном возрасте. Примером игнорирования возрастной сензитивности является «кормление» младших школьников грамматикой.

Существует целая педагогическая традиция действовать вопреки сензитивности, настаивая на «развитии» качеств и способностей, время которых ещё не пришло или ушло безвозвратно. В итоге — навсегда утраченные возможности: то, что могло раскрыться, будь на то время и возможности, не раскрылось, а то, что пытались развить насильно, проявилось в пределах среднестатистической нормы. Но подобная педагогическая тактика — дело обычное! Как правило, в аудитории нет ни одного педагога, который настаивал бы на том, что закономерностями психогенеза надо пренебречь, и толкать ребёнка туда, «куда не влечёт природа».

Важным критерием научного качества педагогической технологии является **соотношение самостоятельности и несамостоятельности** в деятельности учащегося. Поскольку оптимальное соотношение этих параметров деятельности весьма индивидуально, наиболее общим желательным признаком следует считать **возможность свободного дрейфа между самостоятельностью и зависимостью** в учебной работе. Примером безграмотного конструирования учебного процесса является навязывание ребёнку работы в «зоне ближайшего развития», где, согласно Л.С. Выготскому, ребёнок не может осуществлять деятельность самостоятельно, но может с помощью взрослого. Преобладание «зоны несамостоятельности» в ущерб деятельности, которую ученик может осуществлять сам, деформирует личность в сторону зависимого или протестного поведения. Признаком грамотной организации обучения в данном аспекте будет наличие возможности для ученика свободно выбирать меру самостоятельности и несамостоятельности. Ищем вместе с аудиторией такие возможности в повседневной практике. Находим, но редко и мало.

Критериями, относительно которых оценивается научность педагогической технологии, могут быть и более частные

факты психогенеза, установленные научными методами. В качестве примера рассматриваем феномен **разницы в качестве запоминания завершённого и незавершённого действия (эффект Б.В. Зейгарник)**. **Незавершённое действие запоминается легче и прочнее.** Если в конкретной педагогической технологии запоминанию отводится существенное место, то игнорировать эту известную психологическую закономерность по меньшей мере странно. С этим также все согласны, удивляются, что раньше не приходила в голову мысль о том, что психология и методика не сами по себе, а должны находиться в закономерном симбиозе...

В итоге развернувшейся дискуссии аудитория неизбежно приходит к выводу о разрушительном воздействии школьной технологии на здоровье детей.

За что, спрашивается, мы так ненавидим наших детей, что с упорством, заслуживающим лучшего применения, обрушиваем на них эту самую технологию и ещё удивляемся поголовной утрате детьми здоровья? И тут звучит неожиданное:

- При чём здесь мы?
- Мы не виноваты!
- Это программы такие!
- Это учебники такие!
- Это Министерство...!
- Это Академия...!

Если эти педагогические промахи, ошибки, глупости столь очевидны, лежат на поверхности, и мы только что научились их распознавать, то с завтрашнего дня начинаем новую жизнь? Прекращаем гробить здоровье самого бесценного нашего достояния — детей?

— А что мы можем сделать?

У нас программы! Это Вы там, наверху, скажите...

Говорю!

Если бы ситуация не была воспроизведена в двадцатый раз, я не осмелился бы высказать столь дикую,

кощунственную мысль: **для нашего учителя Программа важнее ребёнка, даже если речь идёт о его здоровье.**

Во-первых, учителя надо было довести до такого понимания профессионального долга: Программу любой ценой!

Нам надо на уровне образовательной политики определиться: что важнее?

Ребёнок и его здоровье или её Величество Программа? Прямой вопрос Министру: учитель обнаруживает, что программа или учебник, имеющие министерский гриф, в том или ином аспекте грубо противоречат известным закономерностям психогенеза, в результате чего вероятен существенный вред здоровью. Обязан ли учитель и дальше работать по таким программам и учебникам? Как он должен поступить?

Во-вторых, это действительно вопрос не научной компетентности, поскольку этой компетентности достаточно в элементарном учебнике, это вопрос профессиональной честности, нравственности и гражданского мужества.

Пойти против Программы, против учебника с грифом «Рекомендовано...», против местных функционеров, опасаящихся любого шума... Нужен характер!

И это, в третьих, в главных, вопрос существования в стране нефиктивной экспертизы учебников, образовательных технологий и прочего школьного инструментария — экспертизы научной, независимой, гласной — одним словом, противоположной той, которую осуществлял ФЭС. Хватило же кому-то ума прикрыть эту практику, может быть хватит и на то, чтобы не городить новую заправду с мутной водой.

Есть такие по важности вопросы, которые необходимо решать не в суете контроля финансовых потоков, и не в логике охраны особо одарённых издательских монополий, а в логике проектирования будущего, запуска самоорганизации и самооздоровления. Именно к таким — судьбоносным — вопросам относится вопрос об экспертизе средств и методов обучения.

А то ведь, пользуясь её отсутствием, иные «горячие головы» во имя «обеспечения качества» призывают иметь не больше двух-трёх учебников по предмету, утверждают, что конкуренция в этом деле — дело вредное, хотя во всём мире качество растёт благодаря конкуренции, и, само собой, умалчивают, что выпускать «качественные» учебники будут только правильные издательства... Тогда, конечно, появление открытой, гласной, независимой и хорошо аргументированной экспертизы не ко двору. На наш взгляд, учебников может быть и сто, но каждый — с общедоступным экспертным заключением, с рейтинговым номером, с открытым форумом.

Хочется верить, что у нас в системе образования рано или поздно, но появится такая экспертная служба, которая будет служить интересам детей. Позиция эта должна быть заложена в саму функциональную организацию службы, в технологию экспертизы, а не вытекать из учредительных деклараций.

А если не появится, то, возможно, найдутся другие «горячие головы», которые, вняв призывам министра А.А. Фурсенко создавать общественные институты управления образованием, создадут **Родительский экспертный совет**, для которого интересы самого-самого издателя или самого-самого чиновника едва ли окажутся приоритетнее интересов собственных детей. И тогда «открытая, гласная, независимая и хорошо аргументированная экспертиза», осуществляемая с помощью независимых специалистов, с применением прозрачной сетевой процедуры, может стать **новым аргументом** образовательной политики. Родителям ведь можно наглядно показать, чего стоит педагогическое качество «грифованных» учебников.

Уверен, что мнение «родительской» экспертизы, с её современными сетевыми возможностями, перевесит позицию всех академий, вместе взятых. Ведь **самоотверженность родителей, защищающих собственных детей, беспредельна. НО**